

ИЗ ИСТОРИИ ЛИТО «ТОМЬ». РЯДОМ И СБОКУ

О ВЛАДИМИРЕ ОВЧИННИКОВЕ

Литобъединение «Томь», что работало в особнячке напротив Главпочтамта при областной молодёжной газете «Молодой ленинец» под руководством поэта Александра Казанцева, в 80-е годы XX века посещали разные яркие личности. Краеведы, художники, музыканты, актёры, пишущие и читающие... Многие из них мне были знакомы поверхностно. Но были и завсегдаитаи лито.

Например, Владимир Сергеевич Овчинников. Носитель одной восьмой еврейской крови, черняво-кудрявый, сверкающий очками, среднего роста энергичный человек. Он трудился журналистом в «Молодом ленинце». Оставив жену с дочкой в Барабинске Новосибирской области, в Томске В. О. пребывал в затянувшейся «командировке», а также в свободном поиске, выражая тёплые чувства к томским поэтам женского полу. Кроме газетной рутины, писал своё (стихи, сказка «Днём с огнём»), правил-редактировал чужое.

На заседаниях лито мы знакомились с литературными новинками, проходили регулярные обсуждения своего творчества, встречались с интересными людьми. Нас набивалось в кабинет редактора человек двадцать и более. Сидели плотно в два ряда вокруг столов, поставленных буквой «Т».

Иногда выступали на радио, телевидении, но чаще на агитплощадках, а также ездили по области с культурными десантами. Помню, как вместе с Владимиром, а также выпускницей филфака ТГУ Евгенией Буториной и, скорее всего, политеховской агитбригадой по «комсомольской путёвке» посетили город Асино, где выступали в ПТУ, школах, библиотеках.

Печатались мы редко, зато выпускали стенгазету. К сожалению, она канула в Лету вместе с архивом Владимира Антуха. Осталась у меня одна фотография Владимира Овчинникова с высунутым языком а-ля Альберт Эйнштейн. А также, несмотря на мою кочевую, общежитскую жизнь, сохранилась поэма Владимира «Еленаида», посвящённая мне лично и повествующая о лито «Томь» и моему переходу от стихов к прозе.

Окончив в 1982 году Томский приборостроительный техникум, я поступила в Томский государственный университет на факультет прикладной математики. Свою профессиональную деятельность связывала с программированием для быстродействующих ЭВМ. И даже написала поэму о любви человека (девушки) и электронно-вычислительной машины. Эту поэму Владимир, взявшись отпечатать на машинке, отредактировал до неузнаваемости. Но считал, что очень меня этим осчастливил.

К этому времени я написала много разных стихов и рассказов. В том числе

бесхитростный рассказик «Шильдик к «Сонате», послуживший поводом для «Елениады». процитирую начало этого опуса, который частично использую в своей экскурсии «Томск поэтический» в рамках проекта «Прогулки с писателем»:

Гнев, богиня, воспой Александра Казанцева, также
Членов лито под названием «Томь», что собирает
Славных мужей и прекраснейших жён по проспекту
Ленина, дом номер шестьдесят два и два раза на месяц
Их заставляя служить Аполлону за чай и печенье.

Голос Копновский возвысил и бросил крылатое слово:
«Минуло десять минут, как преславною ратью всей нашей
Мы осаждаем сей град многобашенный – Прозу, в которой
Скрылся о Шильдике злобном Рассказ – похититель Елены.
Нет, никогда бы не смог похититель коварный Елену
Хитростью даже исторгнуть из нашего стана, когда бы
Помощь ему не подала пространнодержавная Повесть.
Видится мне, что усилия наши печально бесплодны,
Можно ли дальше стражаться, в слезах и вине утопая?»...

Дальше по сюжету герой «басни» Овчинников отвлёк прозаиков сказкой про Репку, а поэты тем временем вернули «блудную дочь» Елену домой, в Поэзию. И всё хорошо:

Спел вот и я по порядку, что было с Поэтами в Прозе,
Что совершили они и какие беды претерпели.
Ныне Елена средь них восседает по праву достойно,
Вид их прекрасен, а уж в телевизоре – сущие боги.

Отношений как таковых между нами не было. Периодически безо всяких на то формальных оснований Владимир вслух мечтал запретить меня в каком-нибудь помещении с книгами, чтобы я сидела там и читала-просвещалась, а не шлялась по улицам, музеям, картинным галереям. И в этом стремлении, как показала жизнь, он был не одинок.

Как-то В. О. подарил мне красные тюльпаны. Я шла по проспекту Ленина от университета на Южную, в свою общагу. А он, как потом выяснилось, шёл по другой стороне улицы и любовался мною. И даже спустя двадцать лет он вспоминал эту картину «Девушка с тюльпанами на фоне заката» с большим энтузиазмом.

Более близкие отношения связывали Владимира с другими «литовками». На одной он даже собирался жениться, умолчав в разговоре с её родителями, что уже состоит в законном браке.

Показательным в плане характера Владимира может быть его стихотворение (от 20.04.1983 г.), обнаруженное мною в увесистых папках с творчеством «литовцев» первой волны:

Переложил мои желанья
сухой травой,
в которой умерли дыханье
и летний зной,
и уложи их в тёмный угол,
где будут спать,
не уставая буйным лугом
во сне бежать.
Я слишком много желаю,
и потому
тебе решать предоставляю,
что и к чему:
какие выпустить на волю
и наградить,
какие с мёртвою травой
в углу хранить.

Короче, человек жил, грешил и каялся. Вернее, каяться стал позже. Покинув Томск и вступив в ряды Зарубежной православной церкви, иеромонах Владимир регулярно писал мне пространные письма. Например, из Куйбышева Новосибирской области, который упорно называл Каинском (каковым он и был до 1935 года).

А позднее, поселившись в Раифском Богородицком мужском монастыре (пос. Раифа Зеленодольского района, республика Татарстан), слал тамошние издания, в том числе «Раифский вестник». К изданию «Вестника» В. О. отношения не имел, служил священником.

Писал мне, например, такое: «...Мог бы забыть, но вся память в занозах. Отрёкся от мира, мог бы не писать тебе, однако пишу – многим тебе должен, обязан, обвязан долгом, долгом сердца – не ума... Хотел рассказать о монастыре, но слова не идут. Накопил для посылки тебе газеты и книжечки – всё сгорело в пожаре, я спас от огня очень немного, исчезла и книжечка с адресами... пожар уничтожил гостиницу, где я жил, временно дали келлию для гостей, а скоро перейду в братские келлии... В буклете адрес издательства в Интернете... А переписываться, конечно, лучше через обычную почту, туда хорошо брести тропинкой через дремучий лес. Помолись обо мне. Жду ответа. Многогрешный и молящийся о тебе иеромонах Владимир» (из письма 14/27 октября 2005 г.).

До Раифы и Владимир скитался по Сибири, бывал и в Томске в 90-е годы, но мы не пересекались. Как-то я получила привет от него через человека с томского телевидения. Интересовался моей литературной судьбой и делами Александра Казанцева, «литовцев» «Томи», напечатал рассказ моего отца Виктора Клименко в Барабинской районной газете. Передавал через меня пожертвования в Алексеевский монастырь, вкладывая денежку в письмо. Томск навсегда остался для него очень значимым местом на Земле.

Была у нас с Владимиром общая знакомая по Томску – Ольга Корепанова, которая, закончив вуз, уехала на родину, в Братск, где работала художником в

театре. С моей подачи спустя двадцать лет после томских встреч затеял переписку и с нею.

Числя меня какой-то своей родственной душой, В. О. предлагал мне приютить у себя его дочь Ольгу, которая после школы выбирала вуз для обучения. Кстати, она стала художницей. Ольгины метания, поиски себя и работы проходили «красной нитью» через нашу переписку. К моему литературному творчеству Ольга относилась благосклонно.

В предпоследнее письмо от 19 января/1 февраля 2006 года В. О. вложил фотографию своей дочери Ольги с новорождённой внучкой Владимира Ксенией и матерью Владимира. Писал о перенесённом тяжёлом гриппе, спрашивал о новостях моих. «Минувшие 20 лет почему-то совсем не стёрли этого интереса».

Я тогда вела обширную переписку, в том числе с друзьями, уехавшими за рубеж, с отцом и другими родственниками. Кому-то я могла писать более откровенно, кому-то – менее. Переписка с В. О. требовала «фильтрации», подбора тона и фактов и, таким образом, не была для меня лёгким и приятным делом. Поэтому иногда, устав, я отправляла ему мозаику из своих писем отцу и подругам. Благо тексты писем уже набирались на компьютере. А В. О. писал мне, конечно, от руки округлым, учительским почерком и назидательным тоном.

Последнее письмо – в ответ на пасхальные открытки и юбилейную газету («Раифскому вестнику» исполнилось 5 лет) – я отправила 18 мая 2006 года...

Как сказал кто-то из восточных мудрецов: «На твоём жизненном пути нет ни друзей, ни врагов, но каждый, кто встретится тебе – твой учитель»...

У ИСТОКОВ «ТОМИ». ОЛЬГА ПОТЕШКИНА

Родилась Ольга Дмитриевна Потешкина 13 мая 1952 года в г. Чирчик Ташкентской области. Там же пошла в школу. После 8 класса поступила в Чирчикский индустриальный техникум на отделение электромашиностроения. По окончании обучения по распределению уехала в Приморский край, где работала 3 года. Затем переехала в Томск, работала на заводе «Полюс». Заочно окончила Томский политехнический институт. Умерла 22 июня 2017 года.

Лито «Томь» Ольга посещала в 1980–1982 гг. В памяти «литовцев» Ольга с весёлой фамилией Потешкина останется человеком со стержнем, добрым, активным товарищем и сестрой по перу. Её посвящение творчеству Владимира Антуха бережно сохранило его образы и ритмику:

Слух не терзает карканье вороны.
Лишь слышен скрип тяжёлого пера.
Ночь. Тишь. Наркоз.
Молчит слепой котёнок.
А я стихи скирдую до утра.
Вымучиваю их, презрев усталость,
Хоть триста раз поклялся не писать.
Но... Надо, Вова, поднатужься малость:
Тебя сегодня будут обсуждать.

Я невезуч, хоть независим очень
И многое ещё сказать хочу.
И прибавляю из последней мочи.
В глазах рябит. Теряюсь и молчу.
Я постараюсь выслушать вас кротко.
А обидите – стихи свои возьму
И уйду красивой походкой,
Словно призрак лыжника, во тьму.

Недолгое, но яркое присутствие в лито «Томь» Ольги Потешкиной связано с юмором и сатирой. Культурные десанты «литовцев» в районы Томской области рождали, например, «Прерванный репортаж» из совхоза «Розовые зори» и описание других «радостей жизни» застойного периода. Свои юморески она публиковала в томских газетах «Красное знамя» и «Молодой ленинец».

Распыляться Ольга не привыкла. Ушла из лито, решив сосредоточиться на получении высшего образования. Помогло ли ей это высшее образование в 90-е, когда закрывались заводы и первым делом просили на выход незамужних и бездетных?! Хорошо, что «гостинку» она всё-таки построила. Мечта о собственном уголке, создаваемом «по кирпичику», описанная ранее, сбылась.

После увольнения с завода трудилась, зимой на рынке, летом – на огороде хозяйки торговой точки. Весёлый нрав, видимо, помогал не отчаиваться. О рынке написала и издала книгу «Торгашка», об огородах – оставшиеся неизданными «Дачные хроники».

Примерно в 2010 году пришла в клуб «Автограф» при библиотеке имени А. С. Пушкина с прозаическими книжками, изданными за свой счёт: сборник рассказов о детстве «Дика» (2010), «Средство для похудения. Сборник юмористических рассказов и стихи» (2010). Позднее издала восточную сказку «Приключения Гитты Лэдж. Сказка для детей и взрослых» (2011), краткие мемуары «Торгашка» (2012). «Сказочный микс» был опубликован в журнале «Начало века». Пьеса «Целительница» появилась в сборнике студии драматургов «Как много тех, с кем можно лечь в постель, как мало тех, с кем хочется проснуться...» (2013). Сама же иллюстрировала свои книжки.

Краткие заметки о своём пребывании в лито «Томь» Ольга назвала «И зачем разлуки песню обрывают...». Эти воспоминания, как и другие, посвящённые Александру Казанцеву, увидели свет в литературном альманахе «Витражи» (Мельбурн, 2012).

Вот что пишет Ольга о буднях и праздниках лито «Томь»:

«Где-то зимой то ли 1978, то ли 1979 года в томской газете «Молодой ленинец» объявили поэтический конкурс. Знакомые подзадорили меня поучаствовать, хотя я и сомневалась.

– Обязательно отправь что-нибудь. Некоторых современных считаешь – кто их только до печати допустил. Тынисколько не хуже.

Я решила опубликовать свеженарисованный «Февральский сон», на который меня вдохновил негатив одной фотографии. Чтобы каждый имел своё суждение, приведу его полностью:

Стынь. Паутинка берёзок
Тёмную высь оплетает.
Снежные искорки-слёзы
В ветках-ресницах мерцают.
Словно рукой колдовскою
С чёрного бархата ночи
Сброшены в царство земное
Тысячезвёздные очи.
Лес полуночно и крепко
Снами-печалями скован.
Скована каждая ветка,
Каждый росток околдован.
Но, как бы сон ни был прочен,
Он отлетит и растает –
Где-то назло зимней ночи
Тихо весна прорастает.

На тот момент это было моё «избранное».

Вскоре я с обидой читала ответ: «К сожалению, Ваш «Сон» не может быть опубликован, хотя способности у Вас есть. Стихотворение вторично, недостаточно образно и метафорично. Желаю новых творческих успехов. А. Казанцев».

Вот те раз, товарищ А. Казанцев. А «ветки-ресницы», а «бархат ночи», и, чёрт побери, «тысячезвёздные очи»!

Вскоре я узнала, что при том же «Молодом ленинце» есть лито (литературное объединение) «Томь». И я решила посмотреть, что это за зверь. Немного опоздав после работы, спускаюсь в цокольный этаж. В комнате человек десять-двенадцать обоих полов, обсуждают какую-то нашумевшую новинку. Во главе – симпатичный молодой человек с пышными кавказскими усами и пышной же шевелюрой, в глазах лукавинка, в облике что-то от цыгана.

Исчерпав тему, стали знакомиться со мной, попросили почитать что-то своё. Я, конечно же, выдала «Февральский сон»:

– Вот, отправляла на конкурс, а какой-то А. Казанцев забраковал.

Раздался дружный смех, «цыган» улыбнулся:

– Я и есть этот «какой-то А. Казанцев», или просто Александр.

Таким было моё первое знакомство с Сашей. А в «Томи» мне понравилось.

Стишки я писала лет с тринадцати – про безответную любовь, непонимание и нечуткость окружающих, про природу и времена года. В дальнейшем стишки были «датские» – к определённым датам и событиям, на работе – к выполнению плана и соцобязательств, или экономии электроэнергии. Я по жизни была редактором стенгазет, от школы до предприятия.

Однако поэзию знала на уровне «Мой дядя самых честных правил» и «Кому на Руси жить хорошо», не испытывая по этому поводу особой скорби. Больше любила прозу – в детстве про Чингачгука и Зверобоя, фантастику, потом исторические романы, дома появилась подписка на Алексея Толстого. Меня почти с ремнём отрывали от «Хождения по мукам», «Петра I», «Аэлиты». Стихов не читала вовсе.

И вот в двадцать с лишним лет, переехав жить в Томск (после Средней Азии и Дальнего Востока), я осознаю, что не имею никакого понятия о настоящей поэзии. После первого же посещения «Томи». Ахматова, Цветаева, Мандельштам, Пастернак, Антокольский – а кто это?

– М-да, какая же ты тёмненькая, – однажды деликатно заметил Саша.

Лито было разношёрстно – от школяров восьмых-десятых классов до сорока-пятидесятилетних особей, страждущих поэзии. Были и графоманы, были и таланты. Уже тогда выделялись Оля Комарова, Володя Антух, Ира Киселёва (Сердюк), Лена Клименко и некоторые другие.

Саша никому не говорил: «Ты – талант, а ты – бездарь». Он старался привить нам хороший вкус, естественно, отмечал даровитых. На каждое заседание кто-нибудь готовил тему, либо сам Казанцев знакомил нас с достойной литературой. Затем обсуждали творчество кого-либо из «литовцев», стараясь обосновать своё мнение. Саша не допускал просто оголтелой критики, возвращая споры в «парламентские» рамки, или смягчал юмором. Саша избегал нравов террариума. «Каков поп – таков и приход».

Сколько мною было услышано и прочитано, я изумлялась энциклопедичности «литовцев». Особенно блистал Гриша Фудим, ну а Казанцев само собой. Иногда он читал свои стихи (его книжечка «Рассветное чувство» с дарственной надписью есть у меня до сих пор).

Мы ездили по Томской области с агитбригадами, ходили в лес на шашлыки, устраивали капустники, отмечали сумасшедший юбилей – годовщину «Томи», короче, общались по полной. Конечно, это время Саша отрывал от семьи (да простят они нас задним числом). Но мы были молоды, а значит, несколько эгоистичны, легки на подъём, фонтанировали и генерировали. И хорошо, что с нами рядом была своя «усатая» Арина Родионовна.

Саша не раз приглашал к нам местных знаменитостей – это Н. Курочкин, Б. Климычев, В. Колупаев, М. Андреев, папа «Букиниста» В. Суздальский. Было невероятно интересно. Однажды был приглашён Саша Харитонов. В Томске его прозвали Пушкиным. Он и вправду смахивал на потомка арапа, писал стихи. Блёклых совковых граждан он эпатировал невероятными брюками, длиннющим пальто и длиннющим же шарфом. Даже в самые сильные морозы его непокрытая голова являла народу причёску а-ля Пушкин. Мне он казался ехидно-высокомерным. (Или это маска?)

И вот этот загадочный персонаж у нас в гостях, читает свои стихи. Они были талантливы. Но не для того времени. Он препарировал окружающую действительность, не стесняясь в выражениях. Он зарифмовал любовь в жестокую эротику, которая прозвучала для нас как откровенное порно. Школьницы и строители никак не строящегося коммунизма потупили глаза. Всем было неловко. Казанцев наконец прервал его на полуфразе:

– Саша, давай что-нибудь другое, здесь есть несовершеннолетние.

– Я для младшей ясельной группы не пишу, – уязвился Харитонов, добавил ещё пару дерзостей и удалился.

Это был, пожалуй, единственный негативный вечер. Хотя сегодня, на фоне, например, Comedi Club или многих низкопробных американских фильмов Саша Харитонов был бы достаточно белым и пушистым.

Я ходила в «Томь» два года, потом поступила на вечернее в политехнический и на шесть лет «выпала в осадок». Потом почил в бозе СССР, страна кинулась строить капитализм. Стало не до литературы, надо было выживать в новых условиях. С «литовцами» я увиделась почти через 30 лет, когда узнала о трагической смерти Саши Казанцева. Очень сожалею о его безвременном уходе. Почему-то, как всегда, умирают не те. Но человек жив, пока его помнят. А Казанцева не забудут все, кто хоть немного был с ним знаком. Сегодня он с нами – доброжелательный, интеллигентный, обаятельный Саша Казанцев. Поэт и просто человек.

12 ноября 2011 г.»